

Сказка Ли Юнаса " Лес "

Рос в одном краю огромный лес, он тянулся на много миль, и никто не знал, где он кончается. Был этот лес дремучий, неведомый, в его чащобах водились волк и медведь, лиса и белка, заяц и горностай, олень и лань. Здесь не ступала нога человека, меж стволов не рыскали собаки, на лесистых горюшках не трубил охотничий рожок. На берегах богатых рыбой рек и озёр не поднимался дымок над избушкой рыбака. Бобр спокойно строил свои плотины. И рыбой лакомились лишь он да нутрия.

А на поросших берёзой мшистых и мягких склонах готовил медведь осенью, загодя берлогу на зиму, чтобы спать в ней и сосать лапу до прихода тёплой весны; медведь с медведицей умеют устроить надёжное жилище и убежище для самих себя и медвежат.

В верхушках деревьев трепыхались и кричали дикий голубь, тетерев и глухарь, когда орёл, сокол и ястреб вонзали в них клюв и когти. Заяц бился и плакал, когда лиса впивалась в него зубами.

Если косолапому мишке вздумывалось отведать мяса кабана, тот хрюкал и визжал на всю округу.

А волк глухо выл, проносясь серой тенью вдогонку лисе, а случись ему настигнуть её, начиналась долгая грызня — лиса жизнь свою даром не отдаст.

А когда волку удавалось застигнуть врасплох лань, она шаталась и падала на колени с немим укором в глазах. Стало быть, все шло своим чередом, как и положено.

И никто из зверей не стал бы жаловаться, если бы не тролль, от которого не было житья, с ним они вели борьбу не на жизнь, а на смерть.

И в один прекрасный день он победил их.

Глядишь, там показался кулак, на вид безобидный, похожий на древесный корень, тут высунулась его морда из мха, а вот он разинул пасть в виде пещеры или расселины. Тролль принимал обличье то дерева, то болотца и был опасен для всех птиц и зверей, Прожорливый тролль ел все подряд и до того вырос и заматерел, что занял весь лес и укрыться от него теперь было негде.

Тут услышал король про то, что вытворял тролль. Он счёл своим долгом защитить зверей, раз они жили в его королевстве. Король пригнал туда тысячу солдат и велел им прореживать и расчищать лес топорами милю за милей.

Они срубили каждое третье дерево, срезали ветки, чтобы в лесу стало просторно и можно было бы глядеть на небесную синеву. И так они старались год за годом, очищали лес милю за милей.

Под конец невоготу стало троллю терпеть весь этот шум и гам, слушать стук топоров по стволам и веткам, лишивший его одиночества и темноты.

Когда же солдаты ещё поработали год-другой, расчистили дорогу солнцу и дневному свету, так что во всем лесу, в долинах и оврагах стало совсем светло, они вдруг услышали какие-то скрипы и вздохи, словно тролль перевернулся на другой бок, поднялся, засопел и захрюкал.

Шум, посвист и треск раздавались в кустах и деревьях, когда тролль медленно, упорно и неуклюже тащил за собой сучья и корни длиной в несколько миль, срывая их с земли; ведь это были его пальцы, его руки и ноги.

Бесчисленные лесные озера и гнилые болотца, подёрнутые тиной, — глаза тролля — стали чистыми, наполнились проточной водой. А расселины и трещины в голых скалах — его пасти, и пещеры, и коварные трясины по берегам рек и на болотах, и запутанные лесные тропки и дорожки исчезли.

Вот такая была картина, когда чудище ослабило свою хватку!

Под конец тролль вовсе ушёл из леса.

Тут звери до того развеселились, что плясали все вместе восемь дней подряд, медведь и лось, лисица и заяц, рысь и лань, волк и олень, полёвка и горностай — все в круг!

А над ними кружили, кричали, пели и каркали орёл, тетерев, ястреб, голубь и певчие птицы.

Потому что теперь по приказу короля в лесу должны были воцариться мир и закон.

И вот перед каждым деревом, перед каждой берлогой, перед каждым гнездом появились сторожа, охотники и лесники с саблями и ружьями, с галунами на сюртуках.

Они считали и переписывали количество яиц, осматривали каждое дерево: какова его высота, каков обхват. Они записали всех белок, сколько самцов, сколько самок, сколько детёнышей, сколько хвостов, чтобы надлежащим образом обложить налогом шкурки.

У каждого медведя оценили шкуру и мясо и определили строго, на какой охотничьей территории ему следует находиться.

На бобра, помимо того, наложили налог на постройки и обязали застраховаться от несчастного случая на воде, а выдре велено было два дня сушиться, чтобы оценить её тёмную шкуру.

А зеленоглазого горностая за его прекрасную шкурку отнесли к королевским регалиям и позволили ему иметь своё убежище, чтобы не заблудился в лесу и не испортил породу.

Звери и птицы суетились, ворчали, ревели, щебетали, чирикали, болтали на своём языке и после, обсудив все, решили, что настали лучшие времена.

Первым покачал головой и призадумался медведь.

Мол, теперь не то что прежде, когда в лесу было так уютно, темно, спокойно и можно было оглушить лапой лося или оленя, не думая о налоге, о том, что их накажет чиновник с галунами. Ему захотелось уйти отсюда, поселиться в чернолесье меж скалистых гор.

Немного погодя взмыл орёл вверх, да так, что поломал верхушку сосны. Ворон закаркал, а дятел закричал: — Скучно здесь, скучно здесь!

Потом убежал волк, снялась с места, скользнула и бросилась прочь рысь, улизнул горностай, стремглав умчалась выдра, потрусил своей дорожкой бобр.

Теперь они были согласны, чтобы тролль вернулся, даже если им снова пришлось бы дрожать, опасаться за свою жизнь и бороться с ним.

И вот лес опустел, зверей в нем не стало.

Не покинули его лишь снегирь и чиж, горихвостка и скворец, дрозд и другие певчие птицы.

Они до того красиво щебетали и пели хором, что король прослезился, а огромный лесной полоз шумел от радости — ведь в лесу воцарился вечный мир.

— Такого леса не найти во всем свете! — сказал король.

И кусты начали расти один за другим, все дальше, все дальше, пока не дошли до самого моря.

Но прошло немного времени, и снизу, от земли, стали раздаваться вздохи и стоны — это жаловались семена, еловые шишки, молодая поросль и побеги, все они тянулись ввысь, стремились расти.

Они стонали и плакали все громче и громче.

— Нам здесь слишком тесно! — кричали они. — Нам остаётся лишь жаловаться и горько плакать.

Большие деревья вытянули и высосали весь сок и всю силу у малых. А те кричали, спрашивали небо, справедливо ли заставлять их миллионами гнить в земле, чтобы одно-единственное большое дерево могло ещё шире раскинуть свою огромную великолепную крону.

Тут мудрый король понял, что война, пожиравшая жизнь, снова пришла в лес.

И он стал думать и гадать, как бы снова искоренить это зло.

Под конец он решил послать своих самых кротких людей по двое, чтобы они постучали по каждому дереву и попросили его во имя прекращения лютой войны сократить свою высоту и скорость роста наполовину или хотя бы на треть, чтобы многочисленные малые деревца могли бы жить и радоваться. Ведь тогда каждому хватило бы места.

Деревья странно и мрачно зашумели, стволы их заскрипели и застонали от страха за свою жизнь, задрожали и закачались, словно от ударов топора.

От негодования они одно за другим больше потянулись в высоту, раскинули кроны ещё шире.

И ни единое дерево ни за что на свете не пожелало лишиться себя хотя бы капли сока и силы роста, потерять хотя бы одну молодую веточку из своей кроны.

И вот во всем лесу наступила тишина.

А король тяжело вздыхал.